

Золотая краска есть
печать иного царства

*«Исторические корни
Волшебной сказки»
Владимир Протп*

ПРОЛОГ

*Великий лес
518 год от Золотого рассвета*

Великий лес ожидал. Его время истекало.

Время опадало вместе с листвой с деревьев, утекало с водой в ручьях, струилось, бежало между камней и корней древних елей, уходило вслед за солнцем.

Времени оставалось слишком мало.

Человек коснулся домовины окровавленной ладонью, вскинул голову к верхушкам деревьев, и лес медленно, устало скрипя, проложил тропу. Ступал человек неторопливо, он был стар и слаб, он тоже умирал. Мох проседал под его ногами, колючие лапы елей задевали макушку, и он лениво отводил их в стороны.

Он шёл долго, упорно. Мимо проехал чёрный всадник на чёрном коне. Человек даже не повернул головы.

Стемнело, а тропа всё не кончалась. Дыхание человека стало хриплым, шаг тяжёлым, но он не останавливался. Так же на ходу он достал нож, снова порезал ладонь и оставил кровавый отпечаток на ближайшем стволе, на другом, на третьем.

Лес посчитал, что этого достаточно.

Мимо проехал белый всадник на белом коне.

Резко, точно по щелчку пальцев, рассвело, и бледные лучи солнца пробились сквозь ветви деревьев.

Тропа привела к озеру. На берегу стояла старая, покрытая мхом каменная домовина. Человек прошёл по берегу ручья, остановился у домовины, погладил ладонью по её крыше. На воде встревоженно закрикали утки и отплыли подальше.

Осторожно человек опустился на колени, заглянул внутрь домовины, но она оказалась пуста.

— Зачем? — прошипел змеиный голос за спиной. — Зачем ты приш-шёл?

Человек чуть повёл головой в сторону, но не обернулся. Уголок его губ приподнялся в улыбке.

— Зачем ты привёл меня к источнику?

— Чтобы ты увидел...

Лёгкий жаркий ветер пробежал по поверхности озера, бередя воду, дыхнул влагой в лицо человеку.

— Увидел что?

— Ш-што будет потеряно...

— Я и без этого знаю, потому и пришёл, — он хотел повернуться, но вовремя остановил себя.

Лес дышал ему прямо в затылок, и ноздрей коснулся запах прелой листвы и свежей смолы.

— Знаеш-шь... но не видиш-шь...

— И что же я должен...

Человек не успел договорить. На голову ему накинули шкуру, схватили за плечи, потянули назад, спиной впечатали в землю, и та разверзлась под ним, поглотив целиком, сразу.

И трава мгновенно выросла на том месте. Плоть человека обратилась в прах и напитала собой землю. Красные копыта красного коня потоптались по той земле, выравнивая могильный холм, и подземные воды омыли человека, и кровь его пролилась в те воды и, смешавшись с ними, потекла по лесным ручьям и дальше в извилистые реки. Она убегала, а источник иссыхал, и чёрная пустая тварь подползала ближе к лесу, и там, где лапы её касались земли, расцветали ледяные цветы измороси.

Он наблюдал из речных вод, он слушал вместе с деревьями, которые напитал своей кровью, он следил золо-

тыми горящими глазами каждой бесплотной тени, что бродила вокруг, как зима подбиралась всё ближе, как она касалась листьев деревьев, и те облетали на промёрзлую землю.

— *Если источник иссякнет, ничто уже не остановит...*

— *Если источник иссякнет, ничто уже не питает...*

— *Если источник иссякнет...*

Бесплотные потерянные души замерли на самой границе Великого леса, устремив взгляд на мир людей. Если источник иссякнет, они отправятся искать жизнь в другом месте. Они будут забирать чужие жизни, чтобы спасти свои.

Прах, подхваченный ветром, взлетел в небо. Великий лес тянулся с севера на юг, с востока на запад, и, кажется, не было ему конца. Далеко внизу ярко пылало озеро, а на берегу горела его могила, звала назад к себе. И прах вместе с дождём обрушился на берег и снова напитал землю и стал частью её, и кости вновь окрепли, и мясоросло на тех костях, и он выкарабкался из могилы, но уже не человеком.

Медведь резко распахнул глаза. Он по-прежнему лежал на земле, всё так же шумели волны на озере, облизывая песок, беспокойно крикали утки, и ветер шуршал в камышах.

Осторожно он пошевелил медвежьей своей лапой. Его старое имя должно было быть позабыто вместе с прошлой жизнью. Больше он не слуга своего бога, тот давно умер. Отныне тело и душа его только наполовину принадлежали человеку, на другую половину он стал частью Великого леса, частью силы, что даровала жизнь земле.

— Сколько осталось времени? — тихо, не шевелясь, спросил Медведь.

И лес ответил ему, едва шелестя листвой, уже не из-за спины, не чужим женским искажённым голосом, но откуда-то с вершин сосен вздохнул протяжно:

— *Ещё есть... но оно истекает...*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЁРТВАЯ ЗЕМЛЯ

ГЛАВА 1

*Ратиславия, Лисецкое княжество
544 г. от Золотого рассвета, месяц лютый*

В завывании ветра слышался голос.

Снег бился в ставни, рвался в щели. Даре казалось, что она видела, как ветер полз от закрытой двери по дубовому полу, тянулся белыми лапами к печи, и вокруг тонкой паутиной расползлся морозный узор.

Остальные не замечали ничего, они спали безмятежно. Позади тихо сопела Веся, и только тепло её тела согревало Дару. Не будь сестры рядом, она, верно, замёрзла бы насмерть.

Огонь в крови потух, и в груди чернела пустота. Разве так должно было быть? Разве ушла Морана, потеряла над ней власть, если смерть и зима владели Дарой до сих пор?

Холодно, как же было холодно. По коже бежали мурашки. Старый Барсук рассказывал, что злые духи ночи и мрака колют кожу тысячей острых когтей, вгрызаются в плоть тысячью клыков. Верно, они выпьют всю жизнь из Дары, осушат досуха.

«Всё это лишь глупости, дурные выдумки», — сказала она себе и опустила голову на подушку.

Её бил озноб, страх глодал изнутри.

Дара вслушивалась в злую песню зимней вьюги, в каждый шорох за окном. Ей чудилось, что по крыше ползал кто-то большой, тяжёлый, он скрёб по печной трубе когтистыми медвежьими лапами. Под ставни пролезла бледная худая рука.

Когда лесная ведьма стала такой трусихой? Когда золото угасло в крови и смешалось со смолой, или раньше, в княжеских покоях Златоборска?

Сестра спала мирно, крепко. Даре хотелось прижаться к ней ближе, но было жалко разбудить.

От печи шёл жар, но Дара его не чувствовала.

Ей вспомнился Совин, где холод каменной твердыни окружал со всех сторон, где от зимы спасал один только Милош. Где он? С кем? Чьи золотые волосы привиделись в речной воде? Дара всхлипнула от обиды. Как бы ни хотелось ненавидеть сокола, а больше всего на свете она желала снова с ним встретиться.

«Хотя бы на миг».

Черно было вокруг, тихо. Только вьюга билась в двери. Стук.

Дара вырвалась из дрёмы, подскочила на печи.

Неужто дурной сон?

Веся по-прежнему спала, даже Стрела, примостившийся на лавке у стены, не вздрогнул.

Дара прищурилась, пригляделась. Рассвет занимался по ту сторону двери, ярко пылал, словно в сени заглянуло утреннее солнце. Нет, не рассвет — то огонь чародея, что теперь куда сильнее лесной ведьмы.

— Уходи, — еле слышно прошептала девушка.

В сенях раздались тихие шаги, заскрипела дверь, и чужак удалился. Кто забыл запереть избу на ночь?

Горица перевернулась на другой бок, Стрела почесал во сне щёку. Они спали слишком крепко, словно на них наслали морок.

Медведь не уходил со двора, он дожидался лесной ведьмы. Дара и объяснить не могла, как это почувствовала, откуда узнала, но поняла ясно, что волхв не уйдёт, покуда с ней не увидится.

Что случится, если Дара не выйдет?

Позади вдруг закашляла Веся. Сестра задрожала, затряслась, и грудь разорвал страшный кашель. Она так и не проснулась, с закрытыми глазами схватилась руками за шею, словно пытаясь сдержать хрипы. Рот её вдруг почернел.

Дара склонилась над сестрой, коснулась ладонью щеки.
Что это? Что льётся из её рта?

Пахло кровью.

— Хватит! Я иду! — выкрикнула Дара в отчаянии.

Никто так и не проснулся.

Но Весея вдруг снова вздохнула полной грудью, шумно, жадно и заснула крепче прежнего.

Дара спустилась с печи, оделась в полной темноте.

В распахнутую сенную дверь заносило снег, целый сугроб успело наместить. Дара вышла на улицу.

Вокруг избы кружил в хороводе ветер.

Медведь ждал прямо напротив крыльца. Он стоял на задних лапах. Огромный, страшный, дикий. Не зря его издревле звали хозяином леса, среди зверей нет никого сильнее.

— Что тебе нужно, Дедушка?! — слова унёс прочь иступлённый ветер.

Чудовищный зверь чернел огромной тенью среди седого снега. Он молчал, и точно назло выюга завизжала сильнее, и дверь позади с грохотом захлопнулась. В страхе задрезбжали ставни на окнах.

Снег колот щёки, летел в глаза. Дара прикрыла платком лицо, прищурилась, но всё равно с трудом различила волхва напротив.

— Ты можешь сколько угодно угрожать моей сестре, но я снова заполучу силу и тогда отомщу! — пригрозила Дара, кусая губы. — Отступи! Я сильнее тебя!

Он не шевелился. Медвежья голова замерла высоко, гордо. Его будто вовсе не тревожила выюга.

Ветер задувал под подол. Дара поёжилась.

— Что молчишь? — тихо спросила она в отчаянии.

Медведь будто её не слышал. Может, он вовсе не понимал человеческой речи?

Он опустил на передние лапы.

Дара в ужасе шагнула назад.

Не человек то был в звериной шкуре. Даже не волхв в чужом обличье.

Медведь хищно сверкнул золотом глаз.

Ноги Дары подкосились. Она рухнула без сил, как птица раскинула беспомощно руки, уткнулась лицом в снег, попыталась подняться, но не смогла. Тело не слушалось её, не ей оно принадлежало. Снег засыпал сверху, рос в высокий курган, последние искры золота утекали прочь, и Дара обращалась в лёд и воду, чтобы впитаться в сырую землю по весне, прорасти травой, остаться в земле и землёю стать. Она чувствовала, как прорастали через её тело травы, как её кости обвивали корни деревьев, как разрывали они грудь, как пожирали черви плоть, как чёрные косы обращались в прах, как бежало стремительно быстро время, утекало золотым ручьём прочь, и не осталось на всём белом свете ничего от дочки мельника и ведьмы.

И став землёй, она услышала, наконец, её стон, почувствовала запах гниющей плоти. Жизнь её иссякала. Огонь в сердце потухал.

Она умирала.

И когда минули сотни зим, когда лес забрал своё и позабыл о том, когда земля остыла, и погасли все золотые огни, то тени стали пусты и голодны, а Дара проснулась на печи.

Позади спокойно дышала Веся. Тихо было за окном.

Дара прислушалась к дыханию сестры, повернула голову, чтобы подсмотреть, как заплетает волосы сонная Горица. Женщина стрельнула злыми глазами, поджала недовольно губы. Промолчала. Она была теперь тиха, не говорила с Дарой, не ругала её. В том молчании и покорности слышался страх.

Лесная ведьма сожгла Совин — об этом знали даже в Лисецком княжестве, что уж говорить о тех, кто едва спасся в том пожаре?

Дару саму удивляло, как стыдно, неловко и неуютно ей становилось рядом с Горицей, как невыразимо больно было признавать, что не только разрушенный город её вина, но десятки, быть может, сотни смертей. Рдзенцы были жестоки к Даре, они разорвали бы ведьму на куски и сожгли на костре, как поступили до этого с Чернавой.

«Будь у них власть и сила, они бы уничтожили и её дочь, а после их души не терзали бы сожаления», — так повторяла себе Дара каждый день перед сном, чтобы не думать об огне и дыме. Её загнали, как дикого зверя, и зверь оскалил зубы, он бился до последней крови. Зверь оказался сильнее человека, так за что его винить? За человеческую кровь на клыках?

И всё же молчаливое осуждение гнало Дару прочь. Она осторожно слезла с печи, стараясь не разбудить сестру, оделась, стыдливо озираясь на спящего Стрелу. Странно было делить избу с чужим мужчиной, но он теперь всегда находился рядом, стерёт Весняну, словно верный пёс.

Горица покосилась на Дару, но не стала ни о чём спрашивать, промолчала и, верно, вздохнула с облегчением, когда за той закрылась дверь.

Вьюга стихла, и небо стало ослепительно-ясным. Снег мягкой периной стелился под ногами. Ночью замело тропинки и дорогу, Дара проваливалась в сугробы по колено, спускаясь к ключу.

Они прибыли в деревеньку к северу от Лисецка прошлым вечером, когда солнце уже клонилось к земле. Хозяйка избы, где разместили их с Весей, разволновалась из-за прибытия гостей, посетовала, что питьевой воды на всех не хватит, и тогда Дара с Весей вызвались сходить к ключу. Находился он недалеко, сразу за крайним домом, в овраге. Спуск был крутым, резким. За ночь ступени занесло, и теперь Дара спускалась долго и осторожно, хватаясь за плетень, едва видневшийся из сугробов.

Стало тревожно, что вьюга замела и ключ, но, к счастью, его прикрывал собой большой камень, а вода пробивала путь в высоких сугробах.

Чем ниже спускалась Дара в овраг, тем выше поднимались вокруг заснеженные сосны. Весело журчал ключ, звал к себе, торопил. Сквозь мохнатые ветви деревьев прорывался солнечный свет, играя бликами на чёрных стволах.

Дара наконец пробралась к ключу и достала нож из кармана. Этот нож всем уступал скренорскому, который

подарил Ярополк, и годился разве что для готовки, но плоть он резал так же хорошо, как и репу. Дара привыкла к боли, но всё равно закусил губу, провела лезвием по ладони. Горячая кровь задымилась на морозном воздухе.

Силы осталось совсем мало, и Дара понимала, что рана станет заживать долго, почти как у обычных людей. Но любопытство, мучительное, болезненное, оказалось сильнее. Чего стоила небольшая рана взамен на ответы?

Дара подобралась ближе к тому месту, где вода вырывалась из-под земли, опустила руку под струю, и кристальный, переливающийся на солнце поток окрасился алым. Она пришла к ключу за ответами, и один вопрос только крутился на языке, но проклятое сердце подвело, обмануло разум, и губы прошептали:

– Милош...

Имя слетело с языка, и не вернуть его было назад. Дара замерла, вглядываясь в воду, ругая себя за глупость. К чему тратить время и силы на человека, ставшего почти врагом?

Струя била в её ладонь, тысячью брызг разлеталась в стороны, но дальше, по гладким камням бежала вода, и ведьма смотрела на игривые переливы, на тёмные камни, на тающий под натиском воды снег и кромку льда, смотрела до рези в глазах, до слёз на щеках, смотрела, пока не увидела в чудных бликах знакомую зелень глаз и непослушные пшеничные пряди, голые ветви нависших берёз и убегающую вдаль дорогу.

– Куда ты идёшь?

Яркий солнечный луч выстрелил из-за ветвей, и Дара зажмурилась от боли глаза. Она отпрянула и только тогда поняла, что солнце по-прежнему светило высоко над ней, а вовсе не в водах источника.

Рука онемела от холода, и кровь почти остановилась. Дара поспешила вновь опустить её под воду. На этот раз она сосредоточилась на том, что было по-настоящему важно. Ей нужно было узнать, что задумал волхв.

– Дедушка, – проговорила она, нахмурилась и сжала плотно губы, разглядывая поток.

— Я здесь, — откликнулся голос.

Дара вздрогнула, обернулась.

Дедушка стоял на вершине оврага, над самым камнем. Лесная ведьма смотрела на волхва снизу вверх, разглядывала внимательно его медвежью шкуру, пытаясь найти ответы, не задавая вопросов.

— Ты звала, — Дедушка казался спокойным, ничего нельзя было прочесть по его лицу: ни гнева, ни сожаления.

— Нет, — выдавила Дарина. — Я говорила с водой. Встречи с тобой я хотела бы избежать.

— Боишься меня?

— Не тебя, а твоих намерений. Это тебе стоит бояться меня и моей силы.

— Силы? — усмехнулся волхв. — А то я не знаю, что у тебя её по-прежнему нет? Пожелай я, так ты бы плясала послушно под мою дудку, но я даю тебе право выбора, внученька. А бояться не меня стоит, а того, кто тебе силу подарил.

— Хорош выбор, которого и нет вовсе.

Дара спрятала замёрзшую ладонь в рукавицу, поправила платок на голове, выкрадывая простыми, незамысловатыми движениями крохи времени, чтобы подумать.

— Ты напустил на меня морок сегодня ночью?

Она вновь подняла глаза на старика. Он стоял, ссутулившись, смотрел пристально, но всё ещё равнодушно.

— Нет, этой ночью я был далеко отсюда, проверял, как там мой Дружок, не оголодал ли за зиму один. Нехорошо собаку оставлять одну, да куда с собой вести? — зачем-то поделился Дедушка с Дарой, словно с верным товарищем. — Но Хозяин велел мне возвращаться и проследить за тобой. Он хочет, чтобы я тебе помог.

— Как именно? — Дара старалась скрыть тревогу.

Значит, это не Дедушка приходил во сне. Но кто тогда Морана? В ней не могло быть того же огня. Разве что сам леший напомнил, кому Дарина обязана своей силой и кто легко заберёт её вместе с жизнью.

— Ты ослабла, но если отправишься со мной, то я отведу тебя к золотому озеру в Великом лесу.

– Ты говорил, что сила сама вернётся.

– Так и будет, но это займёт немало времени, Морана же останется править до самой весны, она не даст тебе окрепнуть.

– Не пропаду, – высокомерно бросила Дара. – Сам Снежный князь меня теперь бережёт, уж он в обиду не даст.

Дедушка улыбнулся и покачал головой.

– Ему нужна лесная ведьма, а не девчонка с мельницы.

Неужели волхв считал, что Дара пойдёт с ним в Великий лес?

В стороне зашумели потревоженные птицы, взлетели в небо, и закачались ветви елей, а с них водопадом осыпался пушистый снег.

– Да-ара! – позвал звонкий голос.

Она оглянулась, взволнованная. Как бы не наткнулась сестра на волхва. Как увести её от беды?

Но не успела Дара и подумать, как поступить, а Дедушка уже исчез. Он скрылся на лесных тропах, спрятался за заснеженными деревьями и ничем себя не выдал, когда на краю оврага показалась Веся.

– Так и знала, что ты здесь.

Дара шурилась, глядя наверх, солнце било прямо в глаза, и сестра будто купалась в ярком свете, искрилась золотым теплом. Но вот она сделала шаг в сторону, ступила на тропинку, что вела к ключу, и вновь стала обычным человеком.

– Как ты догадалась?

– Тебя всегда тянуло к воде. То к реке, то к запруде, – сказала Веся, легко пробираясь по протоптанной Дарой дорожке. Сестра была румяна, из-под платка выбивались медовые пряди волос, глаза улыбались. Она подошла ближе, посмотрела внимательно, с пониманием на бегущую воду. – Что тебя тревожит?

– Всё, – призналась Дара. – Леший и князь, Милош и Дедушка. Моя слабость и мои грехи, – проговорила она на удивление легко.

– Грехи?

Дара прикусила губу, задержала дыхание и неожиданно для самой себя проговорила:

— Я людей убила, Веся.

Она зашептала, будто опасаясь, что их подслушают:

— Ты понимаешь, сколь многих я убила?

Сестра облизала губы, по лицу её пробежала тень.

— Ты виновата, но они же сами на тебя напали. Я помню, как нас окружили, когда мы убегали и потеряли тебя в толпе. Думаю, у тебя не осталось выбора.

Добрая, милая Веся. Она пыталась оправдать даже самые чудовищные поступки.

Дара хотела бы промолчать, но, начав говорить, уже не смогла остановиться. Слова срывались с губ одно за другим.

— Дело не только в пожаре, — она боялась смотреть в глаза сестре и потому отвернулась к ключу. — Раньше. Я убила Охотника в Гняздеце. Помнишь тот день? Я убила его ножом, пролила кровь собственными руками. А после стражника в Совине. Вороны велели мне принести его в жертву, чтобы сломать защиту города. Я убила его, когда он лежал без сознания, совсем беззащитный.

Веся молчала, но Дара кожей чувствовала её взгляд и невольно сжималась под ним.

— А ещё раньше... в первый раз я убила в Златоборске. Случайно, клянусь, случайно. Её звали Добрава, она была любовницей княжича Вячеслава.

— Я думала, он ошибся, — проговорила Веся. — Думала, княжич неверно всё понял.

— Всё он правильно понял, — Дара заговорила хрипло, тихо, и каждое слово давалось через силу. — Я не хотела её убивать, видят боги, не хотела, но убила. А потом бежала, чтобы самой спастись.

Сестра молчала. Не замер мир вокруг, всё так же журчал ключ, разрушая снежные оковы, всё так же шумел зимний лес, только сестра не произносила ни слова, и от этого было страшно.

— Брат Лаврентий, верно, сказал бы, что я попаду за это в промёрзлую пустошь после смерти.

— Не знаю, — произнесла наконец Весняна. — Неважно, что бы он сказал.

Дара подняла на сестру виноватый взгляд. В глазах у Веси стояли слёзы.

— И ты обо всём этом молчала? Почему ничего мне не рассказала?

— Чтобы ты не возненавидела меня ещё больше.

— Возненавидела? Как я могу ненавидеть тебя? — жалобно спросила сестра.

И она прижала Дару к себе, обняла, уткнулась носом в ухо, спрятанное под платком.

— Как ты могла так подумать? — вздохнула она тяжело, надрывно. — Да, я злюсь на тебя порой, всякое бывает, но я же люблю тебя, всем сердцем люблю. Я что угодно могу тебе простить. Дарка, это всё ведь тебя съедало, убивало. Зачем ты так? Как вообще выдержала одна?

— Весь, ты не слышала, что я сказала? Я убийца. Я Моране служила, ей жертвы приносила. Десятки жертв, сотни. И до того, как она меня заставила, я тоже творила страшные, чудовищные вещи. Я и сама чудовище.

Веся чуть отстранилась, чтобы заглянуть ей в лицо. Слёзы горели на румянном от мороза лице. Такие же горькие слёзы лились из глаз Дары.

— Дара, мы в этой беде вдвоём, никак иначе. Вдвоём и справимся. Нельзя одной всё на себе тащить. Для этого родные люди и нужны, понимаешь? Чтобы помогать.

— А что изменилось от того, что ты теперь всё знаешь? Веся, разве ты можешь что-то исправить? Разве ты можешь меня защитить? Я не говорила тебе ничего, чтобы уберечь.

— Значит, отныне мы будем беречь друг друга, — упрямо сказала Веся. — Не знаю, что я могу сделать. Вряд ли многое, но вместе всё равно легче. Мы что-нибудь придумаем, вот увидишь. Теперь-то, когда между нами больше нет тайн, всё наладится.

Простодушная, милая её сестрёнка.

Дара улыбалась, жалея уже, что раскрылась, но на душе и вправду стало легче.

— Я совсем забыла, — утёрла щёки Весняна. — Великий князь велел тебя найти. Мальчишка от него прибежал, искал тебя.

— Зачем?

— Уж со мной-то князь не делится, что и почему он делает. Велел прийти, вот и всё, что знаю, — она улыбнулась сквозь слёзы. — Пошли, приведём тебя в порядок, нельзя в таком виде Великому князю на глаза показываться.

Дара тоже постаралась улыбнуться в ответ, сняла рукавицу с целой руки и опустила под струю ледяной воды, умылась.

— Кожу изуродуешь! — возмутилась Веся. — На морозе да ледяной водой! Жиром бы помазать теперь.

— Пошли, — усмехнулась Дара, вытираясь уголком платка. — Нельзя заставлять князя ждать.

Будь на то воля Весняны, так Дару перед встречей с Ярополком нарядили бы, как невесту. Но сама Дарина лишь переплела косы, умыла лицо да вычистила тщательно зубы углём.

— Вот, возьми, — Веся надела Даре на руку обручье. — Ростислав подарил, — покраснела она. — Ты поноси, потом вернёшь.

— Веся, — чуть строго сказала Дара, возвращая подарок. — Не нужны мне ни обручья, ни другие украшения. Я к князю по делу иду, а не глазки строить.

Горица крутилась всё время неподалёку, рядом с хозяйкой дома, и, видимо, подслушивала. Она вдруг оглянулась, взгляд её не выражал ничего хорошего. Дара поднялась и поспешила закончить сборы.

— И без того уже много времени потеряла, — буркнула она, всё ещё чувствуя на зубах угольную крошку. — Пойду поскорее.

Каждый день они останавливались на ночёвку в разных деревнях, каждый день продолжали свой путь. Все избы и деревни перемешались в памяти, и Дара не могла отличить одну от другой. Но вот, спросив дорогу, она нашла, где ночевал минувшей ночью Великий князь. Дара одёрнула платок и постучалась. Но ни на первый раз, ни

на второй никто ей так и не открыл, и Дара сама заглянула в сени.

— Хозяева, — позвала она негромко. — Есть кто?

Из-за тяжёлой деревянной двери доносились голоса. Дара прислушалась. Говорили мужчины, обсуждали что-то, и, кажется, голос Ярополка тоже можно было различить.

Дара не решилась заходить, осталась ждать в сенях. Через какое-то время из-за двери выглянул мальчишка лет четырнадцати с ведром в руках. Он вылил помой на улицу и, только когда вернулся, обратил внимание на Дару.

— А, ты, — узнал откуда-то он. — Князь тебя позже примет. Жди.

И Дара, замерзая в сенях, ждала ещё лучину.

Когда дверь наконец распахнулась и стали выходить воеводы и бояре, Дара встрепелась, готовясь к встрече с Ярополком.

Мужчины бросали на неё мимолётные взгляды, никто не признал в ней лесную ведьму, один только человек оглядел с неприязнью и сморщил длинный нос.

Дара задержала дыхание, словно её обдало тяжёлым смрадом. Она узнала это узкое болезненное лицо, то был брат Мефодий, поверенный Пресветлого Отца.

Священнослужитель промолчал, даже не поздоровался, торопливо вышел из сеней, и Дара могла видеть, пока не захлопнулась дверь, как он торопливо семенит прочь от избы.

Снова показался знакомый мальчишка, поманил Дару рукой. Она зашла внутрь, радуясь теплу, остановилась на пороге, чтобы оглядеться.

— Да озарит Создатель твой путь, Великий князь, — произнесла она.

Ярополк оторвался от бумаг, разложенных перед ним на столе, и холоп тут же поспешил убрать их, но князь его остановил.

— Оставь, — буркнул он. — Нашёл платье?

Юноша развёл руками.

— Ищу, — выдавил он виновато. — Разве тут сразу найдёшь?

— Так ты постарайся, — нахмурился Ярополк. — Давай, поспеши.

Холоп согнул спину в поклоне и кинулся прочь из избы. Дара проводила его взглядом, осмотрелась снова. Никого больше не было. Она осталась с князем наедине.

— Мне сказали, ты меня звал, — Дара прошла ближе к столу, развязала на голове платок, и длинные косы упали ей на плечи.

— Ты всё как девчонка, — улыбнулся Ярополк. — С двумя косичками. Девки в твоих годах одну косу плетут и ленту в волосах носят.

— Так другие девки в невесты годятся, а я ничьей невестой не буду, — Дара сама не поняла, откуда появились вызов в её взгляде и сталь в голосе.

— Нет, значит? — Князь смеялся одними глазами.

— Нет, — хмыкнула Дара и на этот раз без приглашения села за стол напротив, с любопытством ожидая, как поведёт себя Ярополк.

Он заметил перемену в её поведении, но не сказал ничего и даже будто остался доволен.

— И кем ты будешь?

— Ведьмой.

— Просто ведьмой?

— Может, княжеской.

Ярополк вдруг расплылся в белозубой улыбке и засмеялся открыто и весело, так, что самой хотелось захохотать в голос.

— Однако, Дарина, ты забавная.

Она поджала губы. Не забавной она хотела бы выглядеть.

— На днях, помнится, ты всё уходила от ответа, заверяла меня, что силы у тебя больше нет и что мне на службу ты не годишься.

— Я передумала. Буду рада послужить тебе, князь.

Ярополк смотрел как всегда пристально, и Даре хотелось съёжиться под его взглядом.

— И сила к тебе вернулась?

— Пока нет.

— Никому об этом не говори, — предупредил князь. — Сегодня к вечеру мы прибудем в Лисецк. Ты поедешь со мной впереди. Умеешь сидеть в седле?

— Нет, — Дара в одно мгновение растеряла снова всю уверенность. — Отец учил меня ездить на лошади, только без седла.

Снежный князь смотрел на неё со странным непривычным восхищением.

— Так даже лучше, да, — решил он.

И вдруг нахмурил брови, огляделся по сторонам.

— Займи себя пока чем-нибудь. Мне нужно закончить дела.

И Ярополк будто сразу о ней позабыл, он обмакнул перо в чернила и принялся писать.

Дара поднялась из-за стола. Дом был чужой, незнакомый. Девушка не знала, куда себя деть, и подошла к красному углу, присела на лавку так, чтобы видеть блестящий золочёный сол.

Текло время мучительно долго, Ярополк читал письма и отвечал на них, а Дара сидела на лавке без дела и изнывала от скуки и любопытства. Зачем князь велел ей остаться? Мог бы приказать явиться ко времени в начало обоза.

От безделья Дара разглядывала вышивку на занавеси красного угла, скребла ногтями лавку и почти начала засыпать, когда дверь распахнулась, и в избу ввалился княжеский холоп с большим свёртком в руках.

Ярополк оторвал голову от писем.

— Нашёл? — без всяких предисловий спросил он.

— Мужская только, но с плеча боярского сына, ему всего пятнадцать. Она девка рослая, ей пойдёт.

— Девки с тобой на кухне росли. За языком следи, — осадил князь.

Дара слушала их разговор, наблюдала, как парень разворачивал свёрток, но так и не могла пока догадаться, о чём шла речь.

Между тем холоп развернул свёрток и вынул из него чёрную соболиную шубу. Густой мех лоснился, блестел

при свете свечей. Дара загляделась и невольно сравнила шубу со своей простой одежкой.

— Примеряй, — велел ей неожиданно Снежный князь.

Девушка посмотрела на него с удивлением. Ярополк улыбался высокомерно, но довольно.

— Я бы и рад найти что получше, но в походе женский наряд днём с огнём не сыскать. Давай, надевай, — чуть развязнее произнёс он.

Дарина поднялась, оставила на лавке свою облезлую шубку и подошла к холопу.

— Третьяк, помоги госпоже лесной ведьме, чего стоишь как истукан?

Холоп подскочил ближе, помог надеть шубу. Меха оказались тяжёлые, они упали на плечи, и с непривычки стало сложно пошевелиться. Дара успела позабыть, что в Златоборске носила такие же неудобные кафтаны с длинными рукавами, и теперь стояла, замерев на месте.

— Недурно, — заключил Ярополк придирчиво. — Нравится?

— Спасибо за щедрый подарок, князь, — проговорила вежливо Дара.

— Сама покорность, — хмыкнул мужчина. — Откуда только что взялось?

Она вскинула горделиво подбородок, посмотрела прямо в голубые глаза. Подо льдом плескался огонь.

— Что ж, раз ты готова, то можно и выступать, — решил Снежный князь. — Третьяк, скажи всем собираться через две лучины.

— Слушаюсь, — проговорил холоп и тут же вынырнул из избы, словно за ним гнались собаки.

Ярополк поднялся, собрал бумаги, разложил по стопкам, пару писем свернул и спрятал за пазуху, остальные убрал в кожаную суму.

— Не страшно? — спросил он.

— Чего мне бояться? — насторожилась Дара.

— Раньше в Златоборске тебя величали лесной ведьмой за глаза, а между тем тебя попытались убить. Как ду-

маешь, что будет теперь, когда я назову тебя своей придворной чародейкой и разрешу ехать подле себя?

Он оглянулся, посмотрел оценивающе, пронзительно.

– Ты догадался? – удивилась Дара. – Что меня пытались убить?

– Сомневаюсь, что ты бы стала травить Горяя. А вот поверить в то, что кто-то пожелал избавиться от лесной ведьмы, легко.

Дара тяжело вздохнула.

– Ты знаешь, кто это сделал?

– Подозреваю, доказательств у меня пока нет.

– И кого ты подозреваешь? – Она сделала шаг навстречу, словно боясь не услышать ответ.

– Брата Мефодия.

Дара хотела спросить о чём-то, но в голове всё смешалось, и она осталась стоять, открывая рот, как рыба, выброшенная на берег.

– И Пресветлого Отца, конечно. Но он бы не посмел сам марать руки, скорее всего велел Мефодию выполнить всю работу, – рассуждал Ярополк. – Храм опасается, что чародейская власть закрепится в Ратиславии. Послушно-го Горяя они могли стерпеть, но не лесную ведьму.

– И как доказать их вину?

– А нужно ли доказывать? Даже у меня нет власти над храмом, я не могу обвинить Пресветлого Отца в том, что он преследует ведьму, ведь Империя это одобряет.

Стало сложно дышать под ледяным взором Снежного князя, а он продолжил, усмехаясь:

– Но если я прав в своих подозрениях, то Мефодий поспешит предоставить нам новые доказательства.

– Хочешь сказать, что он снова попытается меня убить?

– Уверен, – улыбнулся Ярополк.

– Отчего ты смеёшься? Это совсем не смешно, – голос Дары дрогнул от страха и возмущения.

От ядов не могли спасти чары, от клинка не отбиться обычной девушке, а от Охотников не спрятаться даже могущественной ведьме. Существовало ли на свете хотя бы

одно-единственное место, где она могла почувствовать себя в безопасности?

— Я мог бы приставить к тебе стражника, но кто тогда поверит, что ты великая лесная ведьма, которая спалила Совин? — улыбался Ярополк. — Все должны быть уверены, что ты можешь испепелить Лисецк одним взмахом руки.

— Обязательно так и поступлю, как только получится, — процедила со злобой Дара.

А она хвасталась Дедушке, что её защищал Снежный князь.

Ярополк подошёл ближе.

— Я не могу защищать тебя открыто, чтобы не вызвать подозрений, но не думай, что я во второй раз упусти тебя, Дарина. Видят Создатель и все твои лесные боги, этого не случится.

В деревне стоял невыносимый гам. Длинная вереница из людей, лошадей и повозок растянулась от избы старосты, куда созвал всех Ярополк. Он прощался с хозяевами, благодарил деревенских за гостеприимство и обещал побороть степняков в ближайшее время.

Дара оставалась в стороне, наблюдала, как суетился народ, как спокойно держался в образовавшейся сутолоке Ярополк. Она рассматривала лица опытных дружинников и молоденьких парней, недавно призванных в ополчение, и ловила на себе их изучающие взгляды, когда заметила в толпе Стрелу.

Он подошёл к Великому князю, поклонился и показал себе за спину. Ярополк обратил внимание наконец на несколько рядов ополченцев. Одеты они были бедно, а вооружены совсем просто. Кто-то из них держал булавы и кистени, другим повезло заполучить топоры, но становилось ясно с первого взгляда, что они были не бывальыми дружинниками, а вчерашними землепашцами и пахарями.

Ярополк подошёл к новобранцам, поздоровался с ними, о чём-то спросил, чего Дара расслышать не смогла, и уже развернулся и пошёл обратно, когда взгляд Дары вдруг за-

цепился за знакомые черты. Сколько раз она видела эти светлые глаза, эту широкоплечую медвежью фигуру.

— Богдан, — одними губами беззвучно прошептала Дара.

Её охватили радость и замешательство. Хотелось к нему навстречу, обнять, расспросить о родном Заречье, о Барсуке и Ждане, о самом Богдане, но она наткнулась на недоверчивый, злой взгляд. Юноша тоже заметил её, нахмурился, отвернулся, словно вовсе не желал видеть Дару.

Она не успела прийти в себя и совладать с замешательством, когда к ней подошёл Ярополк.

— Третьяк, помоги госпоже лесной ведьме забраться на коня, — велел он холопу. — Выступаем.

ГЛАВА 2

Внешний вид золотой,
сердце — камень.

Монгольская поговорка

Стени Месяц лютый

Вячко очнулся на дне глубокого поруба, когда высоко ещё стояло холодное спящее солнце. Оно скрылось пугающе быстро, и Вячко поначалу был этому рад. Глаза слезились, он почти ничего не видел, и темнота принесла облегчение. Но с наступлением ночи холод пробрал его до костей.

Гладкие глиняные стены поруба уходили высоко вверх, человеку было бы не по силам выбраться самому. Вячко даже не пытался.

Голова у него кружилась, и всё тело болело от побоев.

Вокруг было тихо. Ни дикие звери, ни люди не проходили мимо. За весь день у края поруба не показалось ни одной живой души.

Его оставили в рубахе и лёгких портах, без сапог, но в самом начале ошеломлённый от спящего света и боли Вячко даже не почувствовал холода.

Рядом с соломенным тюфяком лежали мешок с едой и бурдюк с водой. Вячко не боялся яда, но всё равно не притронулся к пище. Он не чувствовал голода, только усталость и тошноту. Не будучи в силах подняться на ноги, он дополз до тюфяка, осушил бурдюк до последней капли и тут же провалился в беспамятство.

Он проснулся всё так же ночью, дрожа от холода. Кто бы ни бросил его в поруб, позаботившись о пропитании, о тепле он позабыл.

Вячко стучал зубами, скрутившись калачиком у стены. Он забрался под соломенный тюфяк, но лежать на холодной земле оказалось вовсе невыносимо, тогда он зубами и руками разорвал влажную смердящую ткань тюфяка и вытащил наружу мокрое гниющее сено, сел на горсть, обложил себя слипшимися пучками. Нужно было двигаться, чтобы согреться, но Вячко знал, что ему не хватило бы сил даже подняться на ноги.

Он подтянул ближе мешок и нащупал внутри лепёшку, отломил кусок и засунул в рот, пососал. Заставить себя есть он по-прежнему не мог.

Мешок стоило постелить поверх сена.

Вячко так и сделал, и когда сиденье его было готово, он снова обложил себя сеном.

Почему он не кричал? Почему не звал на помощь?

За всё время, что Вячко просидел в порубе, он ни разу не попытался докричаться до кого-нибудь, а когда решил попробовать, голос вдруг его подвёл.

Долго и тихо Вячко в отчаянии шрипел, пока не выбился из сил.

Ветер донёс до него запах дыма, но разум уже был затуманен, он не понял, что это могло означать близость костра и людей. Вячко откинул голову назад, уткнувшись затылком в стену, и вздрогнул от резкого вскрика. В степи что-то завывало, зарычало, и скоро снова затихло.

Небо было чистым, чёрным, усыпанным звёздами, точно кафтан жемчугом. Вячко никогда прежде не замечал, как ярко они светили, хотя не раз оставался ночевать под открытым небом.

Вячко смотрел на звёзды, задрал голову, и мысли становились вязкими, как кисель, текли всё медленнее и покрывались льдом, как Вышня и Звеня с наступлением зимы. Увидит ли он снова когда-нибудь их берега? Увидит ли Златоборск? Вячко всегда любил возвращаться домой, даже теперь, когда его никто там не ждал...

Могла ли Добрава оказаться среди звёзд? Души правоверных уходят на небо к Создателю, так говорили Пресветлые Братья.

Сверху мелькнула тень, но он не придал тому никакого значения.

А потом сверху слетела огромная птица. Вячко не успел увернуться, медленный и бессильный, он тихо закричал, сжал кулаки, прикрыв голову, и птица рухнула на него, погребая под собой, точно ком снега. Он вырвался, оттолкнул её ногами, пнул несколько раз пятками и вдруг понял, что перед ним лежало тяжёлое шерстяное одеяло.

Сверху раздался смех, он слился со звоном бубенцов и скоро затих.

Княжич вскинул голову, пытаясь увидеть, кто это был, но над ним чернело чистое звёздное небо.

Весёлый девичий смех зазвучал уже где-то в стороне, и Вячко подумалось, что то могли бы быть духи степи, пусть и вряд ли бы они принесли ему одеяло. Он закутался, снова прислонившись спиной к стене поруба, и постепенно стал согреваться.

— Спасибо, — шепнул он в никуда.

Добрава смеялась похоже: задиристо, звонко. Была ли она теперь среди звёзд?

Его разбудила чужая ругань. Два голоса — женский и мужской — кричали так отчаянно и горячо, что Вячко вдруг пожелал узнать их некрасивый резкий язык, чтобы понять, о чём шёл спор.

Женщина говорила громко и яростно, с ней не сравнилась бы ни одна торговка на златоборской ярмарке. Голос

срывался то на рычание, то на шипение, и казалось, что в груди у неё прятались или скрутившиеся в клубок змеи, или стая диких собак.

Некоторое время Вячко растерянно слушал чужую ругань, пока наконец не спохватился, что незнакомцы могли пройти мимо, а он так бы и остался в яме. Сквозь кашель прорвался больной крик:

— Эй! Эй, там! Помогите мне! Люди! Я здесь, здесь!

Слава Создателю, к нему вернулся голос.

Из-за края поруба выглянули две головы: на него смотрели бородатый пожилой мужчина и миловидная девушка. Вячко от удивления раскрыл рот. Злобной крикливой бабой оказалась совсем юная девушка с длинными чёрными косами. С головы её, покрытой шапкой с острым мысом, свисал шёлковый красный платок. Девушка сощурила тёмные раскосые глаза, внимательно оглядев княжича, и исчезла в проёме.

И снова её голос прозвучал грубо и дерзко.

Вниз сбросили верёвочную лестницу.

Вячко неуверенно посмотрел наверх. Мужик помахал ему рукой и сказал что-то на своём языке, явно поторапливая.

— Покопошишь, — прозвучал надменный девичий голос, но хозяйка его больше не показывалась.

Вячко в нерешительности замер, взявшись рукой за нижнюю перекладину, и с опозданием понял, что последнее слово незнакомка сказала по-ратиславски, пусть и неверно.

— Ты говоришь по-ратиславски?

— Да, хорошё, — со смешным говором ответила девушка, оставаясь вне поля зрения. — Давай! Лэзь!

Княжич ухватился за следующую перекладину и подтянулся. Избитое, покалеченное тело заныло, и Вячко чуть не сорвался. Он засипел, скрипя зубами, и резко подпрыгнул, поставив ногу на нижнюю ступеньку. Дальше взбираться стало легче, пусть каждое движение и отдавалось пронзительной болью.

Наверху дул пронизывающий ветер. Стоило Вячко высунуть голову наружу, как в лицо ему полетел колючий

снег, растрепало длинные кудри. Бородач схватил его за шкурку, точно кутёнка, вытащил. Тут же ему на шею набросили верёвку. Он не успел толком ничего понять, как за верёвку потянули, и Вячко упал на колени.

— Тэбе нужэн лэкарь, — сказала девушка.

Длинные загнутые мысы её сапог выглядывали из-под просторного одеяния. Вячко поднял голову, разглядывая незнакомку. Она забрала второй конец верёвки из рук мужчины и теперь держала Вячко как собаку, на поводке.

— Выглядэшь похано, — презрительно прищурилась она, задрав гордо голову.

Мужик ногой подтолкнул к нему свёрток одежды и старые дырявые сапоги.

Вячко с отвращением посмотрел на обувь, но поспешил обуться. От сапог воняло так, будто в них кто-то умер.

— Погано, — тяжело дыша и облизывая пересохшие губы, выдохнул Вячко.

— Что? — девушка свела на переносице чёрные брови.

— Правильно говорить: погано.

— Я хорошо знаю твой язык, — надменно и неожиданно почти чисто произнесла девушка и мотнула головой. Раздался весёлый перезвон — на концах длинных чёрных наконечников девушки висели бубенцы, и они издавали звонкий задорный звук при каждом её движении.

Вячко хотел выразить сомнение, но зашёлся очередным приступом кашля.

Девушка сняла с плеча бурдюк и отдала княжичу. Он едва удержал его в слабых руках, зубами выдрал пробку и жадно отпил. Сухое горло раздирали кашель. Вячко громко глотал воду, задрав голову. Он принял питьё у незнакомцев, ничего не спросив, понадеявшись лишь на удачу. Разве не дурак?

Бородач стоял рядом, не говоря ни слова, и ждал. Когда Вячко наконец напил, то развернул свёрток, это оказался мужской тёплый кафтан, какой принято было носить в вольных городах: подбитый овечьей шерстью, расшитый диковинными узорами. Вонял он ещё хуже, чем сапоги. Но холод беспокоил куда сильнее, чем запах.

Вячко попытался подняться, но руки задрожали и погнулись, тогда он просто сел на зад, оглядываясь по сторонам. Сознание лихорадило, и ясность мысли вернулась не сразу.

Яма, в которой его держали, находилась в безлюдной степи. Куда ни глянь вокруг — ничего, только редкие низкие кустарники, выглядывавшие из-под снега. Чуть в стороне паслись четыре лошади, навьюченные большими мешками, а ещё дальше у потухшего костра лежали три неподвижных тела.

Вячко нахмурился. Ясно стало, откуда взялись и сапоги, и кафтан. Похоже, в них и вправду кто-то умер.

— Кто вы такие?

Девушка горделиво задрала подбородок, разглядывая княжича. Она накрутила конец верёвки себе на запястье. Ветер трепал её длинный красный платок, пытаясь сорвать с головы.

— Мы спасли твою жизнь, княжич, что ещё ты хочешь знать?

Вячко заворожённо наблюдал, как девушка крепче перехватила поводок, и в груди у него всё холодело. Раз незнакомцы убили его похитителей, то стоило бы принять их за друзей, но слабо верилось в такую удачу. Кто мог послать их? Купец Вихрор, в доме которого их схватили? Какой-то другой торговец или вельможа, что имел связи с его отцом или братом? Или, быть может, кто-то из ратиславцев, живших в Дузукалане?

— Вы их убили? — Вячко кивнул головой в сторону мёртвых.

— Турар и Санжар, — сказала девушка, точно эти имена должны были что-то значить для Вячко. — Санжара я убила уже после, чтобы не болтал. — Она поправила с особым значением длинный кривой кинжал на поясе.

— А этот, — Вячко мотнул головой в сторону бородатого, — не разболтает?

— Турар верен, как пос, — сказала она довольно. — Я могла бы отрезать ему ухо, а он бы не пискнул.

— А как звать тебя?

Она растерялась на мгновение. Порыв ветра дёрнул её красный платок, и она отвлеклась, крепя ткань обратно к шапке.

— Это тебе пока знать не нужно, — решила она. Смятение так явно читалось на её лице, что Вячко охватило любопытство.

— Почему?

— Мэньше болтай! — гаркнула заносчивая девица, стрельнула чёрными глазами в Турара и сказала ему что-то на одном из языков вольных городов. Вячко не смог разобрать, на каком.

Бородатый с недоверием покосился на княжича и побежал к лошадям, взял одну за поводья и повёл к ним.

— Сможишь сидеть в седле? — сердито дую губы, спросила девица.

Вячко сомневался, что у него получится подняться на ноги. Никогда прежде не был он настолько слаб и беспомощен.

— Не знаю, — неохотно признал он. — Куда ты меня повезешь?

— Дальши.

Девушка направилась навстречу Турару, дёрнула рукой, потянув поводок, и Вячко пришлось поспешить следом. Она подошла к одной из трёх оставшихся лошадей, легко вскочила в седло, направила её в сторону княжича. Тонконогая лошадка под ней двигалась изящно, порхала, точно маленькая птичка.

— Цвэток, — вдруг воскликнула девушка, поведя пегую лошадь вокруг Вячко. Верёвка обкрутилась о его ноги, и Вячко пришлось вертеться на месте, чтобы выпутаться.

Он выглядел жалко и смешно, а девушка захохотала в голос.

— Что?

— По-вашему, ратич, меня зовут Цвэток. — И она улыбнулась вдруг так солнечно, что показалась Вячко удивительно красивой. Бубенцы в наконсниках зазвенели громче. Красный платок взвился вслед за ней алой волной. В ней было столько силы, что Вячко невольно был рад подчиняться.

Турар остановил крепкую кобылку, хлопнул недовольно носом и схватил княжича под плечи. Тот не успел даже возмутиться, как здоровый мужик закинул его на лошадь. Вячко упал животом на седло и закричал от резкой боли. Верёвка затянулась на шее ту же. Животное взволнованно заплясало под ним, и Вячко схватился что было силы за гриву, нащупал ремень уздечки, вцепился, чувствуя, как непослушное тело завалилось на бок. Турар пробурчал что-то сердито и схватил княжича за ногу, заставив того кричать ещё сильнее.

Цветок рассмеялась звонко и зло.

— А я слышать, что ты сильный воин, — хохотала она. — Как мог у Великого князя быть такой слабый сын?

Вячко стиснул зубы, когда Турар потянул его ногу на себя, перекинул через спину лошади и засунул в стремя, потом помог так же вдеть вторую ногу. Бородач всё с таким же хмурым лицом погладил лошадь по морде, успокаивая, а после достал из седельного мешка верёвку и связал княжичу руки так, чтобы тот всё же мог держать поводья. Вячко через боль и судороги выпрямился в седле, отпустил сжатую побелевшими пальцами гриву.

— Так что, князьич, — не унималась Цветок, — твоего отца Шибан сын хана Бахадур так легко убил, потому что он тоже слабак?

Вячко захотелось её ударить.

— Что за мерзкий у тебя язык? — процедил он сквозь зубы.

Ветер сорвал его ядовитые слова и унёс прочь. Услышать их мог один только Турар, но он, кажется, совсем не понимал по-ратиславски.

— Куда вы меня повезёте?

— В город, — на удивление легко ответила Цветок. — Теперь все знают, что ты похитил. Там больше не ищут.

— Ищут, — невольно поправил Вячко.

Цветок посмотрела на него искоса, не повернув головы.

— Ищут, — повторила она куда лучше прежнего.

— Верно, — одобрил юноша и с удивлением заметил улыбку на смуглом лице.

— Моя мать из ваших земель. Белая луна её звал отец, — поделилась вдруг Цветок, чьи глаза сделались непрогляднее самой чёрной ночи. — Я давно ни с кем не говорю на языке ратичей.

— Ратиславцев, — снова поправил княжич.

— Мать говорить: ратичей, — упрямо заявила девушка.

Турар подвёл двух оставшихся лошадей, одна из них была привязана длинной верёвкой ко второй. В отличие от лошади под девушкой эти два животных были куда ниже и крепче, как и кобыла Вячко. Турар сел в седло одного из них.

Цветок кивнула, удобнее взялась за поводья и, не предупредив ни словом, ни знаком, ударила пятками по бокам лошади, заставляя ту сорваться с места, и почти сразу пустила животное вскачь.

Вячко закусил губу, чтобы не закричать от тряски в седле, и пнул свою кобылу пятками, стараясь не отставать. Если лошадь под девушкой убежит далеко вперёд, Вячко потащится за ней уже по земле и раздавится.

Алый платок развевался за спиной наездницы, манил, как огонь мотылька. Звенели бубенцы, косы били по спине.

Вперёд, вперёд! Ветер засвистел в ушах, обжёл лицо.

Вячко немного привык к скачке, выпрямил спину, сжал крепче поводья. Постепенно он свикся с болью. Лошадь под ним стала послушнее, пошла быстрее и легче.

Цветок гнала, точно за ними была погоня. Вячко несколько раз оглядывался, терзаемый подозрениями, но со всех сторон виднелась лишь безлюдная степь. Похитители увезли его далеко от города.

Но скоро животные стали уставать, и Цветок сжалась над ними, потянула на себя поводья так, чтобы дальше её лошадь скакала рысью. Некоторое время они двигались медленно, и Вячко заметил, как Цветок стала всё чаще оглядываться на запад, где солнце уже клонилось к земле. Зимний день был пугающе короток.

— Ну что, не помрёшь? — спросила с издёвкой девушка. — Тогда вперёд. Поторопись, а то зайдёт солнце, и духи степи заберут твою душу.

Ветер и снег вновь полетели в лицо. Они кусали щёки и кололи глаза, слёзы, солёные и жгучие, потекли по лицу, но Вячко молча терпел. Тряска и холод сбивали с мысли. Воспоминания, похищенные ударом и длинной ночью, становились чуть чётче.

Его людей убили. Выжил Вторак, должен был. Кто ещё? Горазда разрубили на глазах у Вячко. Зуй, Зуя тоже не стало. Синир мог бежать, если ему повезло чуть больше остальных. Главное, что Втораку удалось спастись. Пока колдун жив, надежда не потеряна, без него же Вячко не справился бы.

Он не отводил взгляда от платка, хвостом вившегося за наездницей. Цветок больше не оборачивалась.

Кто её прислал? Вихрор?

Их явно поджидали в доме купца. Но были ли напавшие подосланы чужаком или их впустил сам Вихрор? Можно ли было вновь ему довериться?

Вячко бы поостерёгся.

Горазд и Зуй мертвы. И Синир, быть может, тоже. Скренорский ублюдок немыслимо раздражал Вячко в последние дни, а теперь он и вспомнить не мог, почему. Они были семьёй.

Мышца на щеке задёргалась, и Вячко потёр лицо окоченевшей ладонью. У него не было с собой рукавиц. Все вещи: шуба, сапоги — всё осталось в доме Вихрора. И меч тоже.

Будто молния его поразила. Вячко чуть не вывалился из седла. Меч отца!

Пропал.

— Цветок, — позвал он, и собственный голос показался чужим. — В вещах убитых был меч?

— Меч? — чуть повернув голову, переспросила девушка.

— Ратиславский боевой меч. Не длинный, такой можно удержать в одной руке, без украшений и драгоценных камней, но со знаками совы и медведя на рукояти.

— Нет, князьич, у них не было мечей, только сабли. Мечи в седле неудобны.

— А в мешках? Вы осматривали их мешки?

— Я не падальщик, чтобы в вещах мёртвых рыться, — фыркнула с презрением девушка и тут же продолжила: — Турар рылся. Э, Турар, — она обратилась к своему спутнику, и тот помотал головой в ответ на её вопрос. — Турар говорить, что не было никакого меча. Только золотое солнце, знак вашего бога. Твой?

Вячко залез рукой под рубаху, ощупал шею и грудь, но так и не нашупал цепочки с солом.

— Мой, — сказал он.

— Ваш бог злой, он обижал женщин, — вдруг продолжила Цветок.

— А Аберу-Окиа породила всех нечистых духов на земле, — Вячко и сам не знал, зачем вступил в этот спор.

— Она была предана испепеле... Испел... — Цветок запнулась, не в силах выговорить.

— Испепеляющим, — подсказал ей Вячко.

Кажется, она только сильнее рассердилась.

— Да. Вашим богом, — яростно сверкая глазами, произнесла Цветок. — Он хотел больше власти. Мужчины всегда хотят власти.

— Мой бог не велит пленить колдунов и неволить женщин.

— Он велит их убивать, — хмыкнула Цветок и со злостью стукнула пятками по бокам лошади, вихрем умчалась вперёд, и Турар вместе с Вячко пустились следом за ней. Верёвка на шее княжича уже не так мешала, он приноровился к ней, даже привык.

Снова снег полетел в лицо, дыхание сбилось от дикой скачки. Вячко, кажется, никогда так не гнал лошадь. Животное под ним летело стрелой, и удивительно было, какой быстрой оказалась маленькая крепкая кобыла.

Ноги в чужих сапогах разболелись, Вячко натёр мозоли. Руки покраснели и покрылись цыпками. Снег падал за ворот, и ветер проникал под одежду. Вячко казалось, что от него так воняло, что он был готов лишиться сознания.

Солнце садилось всё ниже, а лошади уже громко хрипели от усталости. Вячко хотел позвать Цветок, что

по-прежнему была впереди, уговорить её помедлить, дать животным передохнуть, когда впереди забелели стены города.

Руки точно по своей воле натянули поводья. Усталая лошадь споткнулась и остановилась. Верёвка на шее Вячко дёрнулась. Турар первым заметил, что княжич отстал, и лихо свистнул.

Цветок тут же развернула лошадь, оглянулась. Она была удивлена, словно не ожидала вовсе, что её пленник посмеет не следовать за ней, как послушный щенок.

Теперь, когда город был рядом, Вячко не боялся больше безлюдной степи, но и бой Турару он дать не мог. У него не было оружия, врукопашную он теперь не одолел бы здорового мужика. Что ему оставалось?

— Что такой? — раздражённо спросила Цветок, когда её лошадь подошла ближе.

— Куда ты меня ведёшь?

Девушка повела чёрной бровью, надула губы, задумалась.

— К большой мужчина, я не называть его имя, пока мы не в безопасности, — сказала она наконец. — Он велел мне проследить, чтобы люди Луны тебя не убили.

— Люди Луны?

Цветок нахмурила лоб и ответила не сразу.

— По-вашему, жрецы. Богословы. Они служить Луноликой Аберу-Окиа. Они похищать тебя у Вихрора.

— Что? — растерялся Вячко. — Почему?

В уме он перебрал уже всех возможных похитителей. То были люди Шибана, его сторонники, другие купцы, вроде Вихрора, и даже сам Вихрор. Какое храму до него дело?

— Они знать об халтэурх — о рабы. Знать, что ты хочешь освободить их. Это грех, — девушка поджала сердито пухлые губы. — Но большой мужчина не желает твоей смерти.

— И что же он желает?

— Мести, — чёрные глаза сверкнули ненавистью. — Шибан должен умереть. Ты, княжич, помогать.

В наступающих зимних сумерках лицо девушки казалось почти пугающим. Прямо и гордо она восседала в седле, точно истинный воин, и Вячко вдруг поверил, что она могла спокойно убить наёмника Санжара, как только он перестал быть ей полезен. Вячко увидел ярко и чётко, как маленькая девушка, чья рука была вдвое тоньше его, отправилась ночью в дикую степь, чтобы выволить из плена княжича из северных земель.

— Как тебя зовут?

Цветок улыbnулась.

— Позже я ответить на твои вопросы. — Она то на удивление чисто говорила по-ратиславски, то делала глупые ошибки, и речь её становилась гортанной и резкой.

Вдруг сразу, как по волшебству, стало темно, точно сверху землю накрыли огромным покрывалом. Вячко оглянулся. Солнце скрылось за низкими тучами далеко на западе.

— Будет снег, — сказала Цветок отстранённо. — Поспешим.

Она закрыла лицо своим красным платком, закрепила другой его конец на шапочке так, что на виду остались только её глаза.

Турар достал из седельного мешка шапку и серый длинный плат, спешился и поднёс их княжичу. Коротким ножом он перерезал верёвки на его руках и на шее, забрал повод из рук Цветка, убрал обратно в мешок.

— Спрячь волос и лицо, — велела княжичу Цветок. — Ты заметный, как белый жеребец среди овец.

— Как будто у вас не бывает ратиславцев, — пожал плечами Вячко, но нацепил шапку, обмотал лицо, скрывая волосы, подбородок и нос, как это делали жители степи. — Многие из нас рыжие.

— Но сейчас все ищут рыжего ратича. Быть может, нескольких уже зарезали. — Цветок направила лошадь чуть в сторону, и бубенцы весело зазвенели. — Не поднимай глаза, прячь лицо, не смотри ни на кого. Твои глаза могут тебя выдать. А теперь езжай следом за мной. Я поеду второй.

Турар двинулся первым.

— Вы уезжали втроём, — догадался Вячко. — На мне одежда этого Санжара?

— Да, — коротко ответила девушка.

— Ну и смердил же он.

— За это я его убила, — она хихикнула пугающе весело.

— Если ты и цветок, то на редкость ядовитый, — не выдержал Вячко. — Из тебя знахарка сделала бы яд или сварила смертоносное зелье.

Громкий хохот был ему ответом.

— Ох, княжыч, насмеши, — залилась она смехом, но быстро притихла и стала на удивление молчалива.

Белые стены города нависли над ними, точно скалы. Вячко натянул повыше платок и опустил голову, разглядывая свои красные руки.

Турар впереди обменялся парой слов со стражниками на воротах, и их пропустили, не взяв дани и ни о чём не расспрашивая. Турар ехал первым, и Вячко не мог толком ничего разглядеть, но когда с воротами поравнялась Цветок на своей тонконогой лошади, стражники согнули спины в глубоком поклоне.

Кто она?

Девушка, что ругалась и кричала как торговка на рынке, теперь держалась величественно, точно княгиня.

Несмотря на наступающую ночь, Дузукалан встретил их ещё людными шумными улицами, грязью под копытами лошадей и сворой нищих попрошайек. С визгами они окружили лошадь Цветка и начали хватать девушку за подолы одежды. Турар выхватил саблю и пару раз ударил ею плашмя по худым спинам. С криком попрошайки разбежались в поисках новой жертвы. Вячко надвинул шапку ниже на лоб и огляделся, не поднимая головы.

Впервые он увидел вольный город не из-за высоких стен, не при свете пламенника тёмной ночью, а в вечерних сумерках.

Богатый, шумный, грязный и прекрасный Дузукалан. Стены его были построены из белого камня, в предместьях у моря люди жили в ветхих лачугах, но внутри двор-